

Ш. М. Мулюков,

кандидат философских наук, профессор кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Московского гуманитарно-экономического института.

ХРУЩЕВСКАЯ «ОТТЕПЕЛЬ» КАК ПОПЫТКА ВЛАСТИ ЛИБЕРАЛИЗОВАТЬ ОБЩЕСТВО В РАМКАХ ТРАДИЦИОННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация: В данной статье автор дает характеристику периода конца 50-х – начала 60-х годов XX века как попытку либерализации общества в условиях авторитарного режима. Отсутствие действительных предпосылок либерализации и наличие командно-административной политической системы оказали в конечном итоге тормозящее воздействие на проводимые в стране реформы, проводимые Н.С. Хрущевым. Будучи человеком прежней системы, он не смог преодолеть полностью тоталитарное политическое наследие И.Сталина. Критикуя сталинское прошлое, Хрущев в то же время был нетерпим к любому проявлению критики. Несмотря на очевидный факт несостоятельности либерализации при сохранении прежней политической системы, отрицать вклад Н. Хрущева в дело развенчания культа личности И.Сталина и последующего демонтажа сталинизма трудно.

Эрнст Неизвестный образно выразил свое отношение к той эпохе через могильный памятник Н. С. Хрущеву – бюст, разделенный на бело-черные половины. Подобная реконструкция хрущевской «оттепели» посредством искусства может служить своеобразным символом любых реформаторских помыслов в условиях антидемократического режима. Достаточно вспомнить либеральные проекты Александра I, от которых он сам же и отказался. Финал хрущевских реформ 1957–1959 гг. был аналогичным. Сохранение жесткого командного стиля в руководстве страной явилось содержательным фоном для консервативного антиреформационного отката к временам недалекого сталинского прошлого.

Кризис власти в послесталинский период явился не только следствием неумения управлять в новой общественно-политической ситуации, но прежде всего нежеланием партийного руководства в корне пересматривать свое отношение к назревшим проблемам дальнейшего экономического и общественно-политического развития страны.

Уже на протяжении многих лет существования СССР отсутствовало кровное наследование верховной власти, но сам принцип преемственности основных постулатов руководства страной напоминал о рецидивах извечной российской болезни – управлять директивно, насильно; даже если это управление ставило задачи улучшения жизни людей. Черно-белый фон хрущевской «оттепели» был продолжением российского реформаторства вообще, начиная с момента установления (становления) государственности на Руси. Что же касается ее советского периода, то «...большевики «обогатили державостроение началом имперсональной классовой приверженности – конкретный (в смысле не личностном, а должностном) продолжатель «дела» не воспитывался. Оттого уход в мир иной первых лиц государства всякий раз чреват у нас смутой...»[1].

Трудно связывать определение «смута» с тем, что происходило в 40–50-х годах XX века хотя бы потому, что особого перелома в обществе того периода не наблюдается – стратегические цели не меняются. Все более или менее понятные решения «обволакиваются» как и прежде наслоениями идеологизаторского толка. И все это культивировалось в общественном сознании как необходимые нововведения очередного вождя, хотя элементы новизны минимизировались на уровне бюрократического исполнения.

Как пишет Э. Хейвуд: «Хотя со смертью Сталина в 1953 г. страна сумела преодолеть наиболее грубые формы сложившейся системы, созданная Лениным партия с ее принципами жестко иерархического построения и дисциплины, равно, как и система сталинской экономики, основанная на тотальном государственлении и централизованном планировании, еще долго сопротивлялись всем и всяким попыткам реформирования»[2]. Но системой, как правило, управляют люди, наделенные исключительным правом изменять определенные функции системы в худшую или лучшую для общества сторону. Было бы несправедливо недооценивать хрущевское руководство с точки зрения роста положительных тенденций в обществе и не видеть искренности (хотя бы чисто человеческой) в том, о чем говорилось с высоких партийных трибун тогдашним Первым секретарем ЦК КПСС.

«Какое же может быть руководство, если, обращаясь к руководимым, человек вынужден отделяться общим призывом, что, мол, надо пропашные механизировать, а когда спросят такого руководителя, что такое пропашные, какие культуры к ним относятся или что такое квадратно-гнездовой способ посева и как получить квадрат, он не может ответить или дает путанный, невразумительный ответ... Не зная сельского хозяйства и не желая по настоящему изучать его, некоторые партийные и советские работники, чтобы не попасть в неловкое положение, стараются реже встречаться с колхозниками, рабочими МТС и совхозов, избегают выездов на места»[3].

В этих словах Н. Хрущева подчеркивается один из важнейших элементов

подъема сельского хозяйства того периода – быть ближе к селу, к крестьянству, не сидеть в кабинетах и т. д. Все вроде бы правильно и очень доступно для миллионов советских граждан. Но возникает вопрос – кто же инициирует «общие призывы»? Не само ли политическое руководство посредством идеологических манипуляций пытается строить свою систему взаимоотношений – «власть – народ»?

Прибегая к призывам и общим декларациям в борьбе за урожай, за «чистоту» советской культуры, вселяя ненависть к мировому капитализму и так далее, партийно-бюрократическое руководство страной нередко «заносило» в сторону привычных репрессивно-наказательных мер по отношению к собственным гражданам. Конечно, во времена «оттепели» уже не было масштабных чисток и расстрелов, имевших место в 30–40-е годы XX века. Однако сам принцип неотвратимости наказания за отход от линии партии сохранялся. Даже вопрос о пропащем или квадратно-гнездовом способе засева сельскохозяйственных культур не обходился без надлежащего внимания и контроля со стороны партии. Факт административного давления и постоянные указания «сверху», сковывавшие всякую творческую инициативу масс, способствовали формированию очередного мифа о непреходящей роли и руководящей роли КПСС и ее очередного вождя.

Наличие очевидных элементов либерализации советского строя (поворот от автократии к демократии) в период хрущевской «оттепели», официальный отказ о толковании СССР как государства диктатуры пролетариата и провозглашение принципов общенародного государства могут служить показателем отхода от наиболее одиозных наследий сталинизма. Положительные результаты реформ Н. Хрущева отрицать трудно. Но в рамках прежней политической системы о кардинальной и стратегической модели трансформации общественных отношений говорить не приходилось. Более того, как и прежде, во времена «культа личности», все победные реляции от имени народа адресовались партии и лично тов. Н. С. Хрущеву.

Критикуя сталинское прошлое, Хрущев в то же время был нетерпим к любому проявлению критики в свой адрес, то есть борясь с наследием культа Сталина, он сам применяет методологию прошлого. Отсутствие всякой оппозиции, наличие атмосферы нетерпимости к «чужому» мнению даже среди своих соратников и, наконец, опасные угрозы и ядерный шантаж по отношению к мировому империализму – все это не могло не сказаться на усугублении внутривластных противоречий, «автором» которых в немалой степени был сам Н. Хрущев.

Поскольку коренных изменений советской планово-административной системы даже не намечалось, принцип социалистического распределения – «каждому по труду» – реализовывался бюрократическими методами «сверху». Труженик не хотел работать по прежней принудительно-уравнилительной системе оплаты труда, ибо не мог заработать. В обществе нарастают иждивенческие настроения; товарно-денежные механизмы стимуляции и мотивации произво-

дительного труда либо напрочь отсутствуют, либо носят опять-таки бюрократический характер.

К середине 60-х годов XX века в СССР назревает продовольственный кризис – как результат политического и экономического волюнтаризма «верхов». Ничем материально не подкрепленный, идеологически наспигованный различными пропагандистскими штампами, бросок в коммунистическое будущее оказался роковым для всей системы общественных отношений в СССР. Именно начало 60-х годов XX века порождает в обществе такой феномен, как утеря доверия к власти. И этот феномен оказал решающее значение на дальнейшую эволюцию советского строя в сторону его морального и физического разложения.

Общая политическая напряженность, граничащая с дезорганизацией всей системы [4], существовавшая на протяжении всей истории СССР, дополнилась дезорганизацией в умонастроениях простых людей, которые в отличие от теоретико-идеологической апологетики интуитивно ощущали огромную пропасть между тем, что официально пропагандировалось и обещалось властью и тем, что происходило в повседневной реальной жизни. Власть продолжает метаться в поисках альтернативы выхода из создавшейся ситуации общей нестабильности. Возвращаться к репрессивному режиму или все же определять новые механизмы управления страной? Репрессивность, ментально и исторически присущая российской (советской) власти, продолжала иметь место (расстрел рабочих в г. Новочеркасске), но определять ее как единственную меру по общественной стабилизации власть уже не могла в силу той же декларативности своих обещаний и роста самосознания простых людей. Не могла власть исключать и тот факт, что за внутриполитической ситуацией в СССР внимательно наблюдает «мировой империализм», готовый в любой момент воспользоваться кризисом советской власти в собственных интересах.

Десталинизация общества и определенная либерализация политической жизни принесла свои плоды – административно-командная система не могла уже функционировать, опираясь только на приказной стиль управления. Идеологические концепты перестают быть единственным средством духовного воспитания советских людей.

Н. Хрущев, безусловно, внес огромный вклад в дело развенчания культа личности Сталина и последующего демонтажа сталинизма как тиранической системы. Но Хрущев был сам человеком, воспитанным на традициях этой системы. Отсюда вся та политическая чехарда с реформами периода «оттепели» – половинчатость и непредсказуемость которых часто не находили адекватного отклика в обществе. Истеричная безапелляционность власти, лицом которой был Н. Хрущев, накладывала печать непредсказуемости не только при решении задач внутренней и внешней политики, но и сказывалась на культурной эволюции советского общества.

Либерализация в политике не могла не наложить свой отпечаток на духовную составляющую общества. «Оттепель» породила надежду на либерализацию культурной жизни, которая искала свой «выход» через творчество молодых писателей, художников, композиторов и т. д. Поскольку религиозная духовность практически была запрещена в силу официального атеизма, то на многие вопросы, зреющие в недрах общества, пытается найти уже новая, послесталинские литература и искусство. В чем миссия интеллигенции, каковы ее отношения с партией, наконец, какова роль писателей, художников в существующей системе? Творчество уже не ограничивается рамками идеологических установок «сверху», пытаюсь ответить на эти вопросы. После известного XX съезда КПСС появилась надежда на то, что культура займет свое истинное положение в обществе, перестав интерпретировать художественным языком очередные идеологические установки власти. Да и сама власть поначалу в условиях десталинизации и либерализации не столь внимательно следила за «почерком» писателей. Н. Хрущев пытался балансировать между двумя лагерями писателей – консерваторов (Кочетов) и либералов (Твардовский), проводя привычную двойственную политику. Но пройдет совсем немного времени и глава государства будет сам пытаться определить степень и границы «свободы» писателей. «Свобода», как правило, определялась приверженностью идеалам «социалистического реализма» и принципу «партийности», сохранившему еще со времен Ленина и диктатуры пролетариата.

Литература:

1. Сегодня это старорусское понятие достаточно часто употребляется для характеристики тех или иных кризисных ситуаций из политической истории России. По-видимому, близость этого понятия к народным корням позволяет одним словом охватить всю гамму негативных потрясений в обществе.

2. Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер А. С. Реформы и контрреформы в России. С. 146.

3. Хрущев Н. С. О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель. Доклад на Пленуме Центрального Комитета КПСС 23 февраля 1954 г. М. Полиздат. 1954. С. 51.

4. Система строжайшей дисциплины и организации, поддерживаемая посредством чрезвычайных мер, долгое время являлась единственным средством государственного управления в период социалистического строительства и мобилизации советского народа в деле разгрома фашистской Германии. Но рано или поздно мобилизационная политическая система исчерпывает свой директивно-карательный ресурс, наступает «момент истины». Поддерживать порядок и дисциплину только в рамках этой системы в 50–60-х годах XX века было губительно для самой власти, которая заявила об отходе от прежнего внутривластного курса эпохи сталинизма.